

Под покровом ночи, обещавшей почти божественную тишину, деревню внезапно потрясла цепь странных и тревожных событий, не поддающихся никакому пониманию. Без предупреждения земля под ногами жителей начала неистово дрожать, а по пустым переулкам завывал яростный ветер, предвещая неминуемую беду. Дома, построенные с учетом погодных условий, теперь казались хрупкими и почти эфемерными перед лицом приближающейся бури.

В самый разгар этой суматохи тишину ночи разорвал ужасающий звук. Рев, доносящийся из глубин древнего и забытого мира, эхом прокатился по лесу, вселяя страх даже в самых смелых. Этот рев, первобытный и полный дикой ярости, возвестил о появлении существа, обладающего невообразимой силой. Его глаза, сияющие в темноте, как факелы, и хвосты, шевелящиеся с разрушительной силой, свидетельствовали о появлении существа древнего происхождения.

Деревня, бывшая до этого тихой гаванью, превратилась в арену хаоса и борьбы за жизнь. Таинственные фигуры, закутанные в плащи, двигались в тени со сверхчеловеческой скоростью, противостоя чудовищу с отвагой, превосходящей всякое разумение. Они исполняли точный танец битвы — зрелище, которое разворачивалось в свете молний, открывая театр войны, где каждая искра была обещанием сопротивления неукротимому.

Отчаянные крики мирных жителей трагически смешивались с громом и руинами битвы. Семьи разрывались на части, их жизни уносила темная и непостижимая сила. Бой, хотя и неравный, поддерживался надеждой на то, что рассвет принесет избавление.

С наступлением полночи напряжение противостояния достигло своего апогея. Тварь, окруженная со всех сторон, с новой силой разразилась яростью, грозя охватить своим гневом всю деревню.

— Аааааааааааааа!

Среди обломков разрушенного дома раздался вопль агонии, полный неопишуемой ярости и страдания.

— Хокаге-сама! — раздался мучительный зов ниндзя, которые разгребали камни и обломки в поисках источника крика.

В центре происшествия сидел человек, чей крик прорезал ночь, потрясенный и растерянный.

«Какой странный опыт, какое небывалое ощущение...» — размышлял он, все еще ошеломленный.

Однако его недоумение было прервано новой волной боли, когда он схватился за голову. Вихрь воспоминаний и информации захлестнул его разум. В этом хаосе перед его внутренним взором разворачивалась жизнь Хирузена Сарутоби, Третьего Хокаге. Поток информации был настолько сильным, что, казалось, мог расколоть его сознание на две части.

Эта душевная буря была даже более невыносимой, чем боль от первых превращений...

— Хокаге-сама!

Расфокусированным взглядом человек, известный теперь как Сарутоби-сама, обратил свой взор на ниндзя, устранившего последнее препятствие на его пути.

«Хокаге...» — это имя эхом отдавалось в его сознании, одновременно знакомое и странное. Для человека, чье существование началось и развивалось как дух, воплощенный в оружии, это был

совершенно новый опыт.

Заметив отрешенный взгляд Хокаге прошлого поколения, ниндзя вздохнул, понимая всю глубину травмы. Сарутоби, прежде чем быть выброшенным далеко-далеко, стал свидетелем смерти своей жены — удар, который, несомненно, глубоко потряс столь почитаемого человека, как Третий Хокаге.

Однако, несмотря на кажущуюся хрупкость Сарутоби, его сила была бесспорно необходима. Он был одним из самых могущественных ниндзя в деревне; его вмешательство было жизненно необходимо для преодоления нависшей над всеми угрозы.

Эту убежденность разделяли и остальные ниндзя, объединившиеся в спасательной операции.

На фоне озабоченности своих спасителей Сарутоби, чей взгляд был устремлен в пустоту, медленно моргнул. Через мгновение в его прежде тусклых глазах блеснула искра решимости.

— Вот как... — пробормотал он, и голос его обрел необычную тяжесть.

Внимательные ниндзя вокруг не уловили его слов. Язык, на котором говорил Сарутоби, казалось, принадлежал к забытой эпохе, что усиливало уважение к нему, даже если они не понимали смысла его слов.

— Вы что-то сказали, Сарутоби-сама? — спросил один из ниндзя, смешивая уважение и любопытство.

Сарутоби встал с внушительным достоинством, тщательными жестами стряхивая пыль с одежды. Его взгляд остановился на собственных руках, размышляя о новизне ощущений. «Так вот каково это — иметь человеческие руки...»

После задумчивой паузы он поднял посох, лежавший рядом, и голосом, скрывавшим вихрь эмоций, произнес:

— Сейчас это не имеет значения. Мы должны действовать быстро.

С удивительным проворством Сарутоби вскочил на ноги.

Ниндзя, поняв его жест, последовали его примеру.

Поднявшись на ноги, Сарутоби окинул взглядом внушительную фигуру Девятихвостого зверя, и в его лице отразилось сильное любопытство. «Так это и есть легендарный Девятихвостый зверь...»

В его родном мире гиганты, сравнимые по силе с ним, ходили по земле, превратившись в забытые легенды, многие из которых были связаны с его собственным существованием...

Однако Сарутоби не позволил себе отвлечься. Зависнув, он заметил того, кого унаследованные им воспоминания и тело считали почти сыном, занятого запечатыванием части силы зверя, сражающегося с цепями, сковывающими его.

«Я пришел слишком поздно», — эта мысль пришла ему в голову, но не изменила его безмятежного выражения. «Я слышу... Плач тех, кто больше не может выносить боль...» — это ощущение посетило его в тот момент, когда его взгляд остановился на кинжале и ожерелье Шинигами.

Если бы кто-то узнал, что он тоже может видеть Жнеца Смерти, хотя и не является его призывателем, он был бы поражен до глубины души...

Тем временем Минато посмотрел на жену.

— Верь в нашего сына! Он — наша надежда! — воскликнул Минато, его голос был полон решимости.

— Будь ты проклят, Четвертый Хокаге! — прорычал Девятихвостый зверь, когда часть его силы Минато умело запечатал в себе.

Осознав намерения Минато, который готовил сложную печать для новорожденного, чтобы запечатать его полностью, ярость существа возросла до новых пределов.

Наблюдая за происходящим, Сарутоби не мог не удивиться. «Минато планирует запечатать Кьюби в собственного сына?»

Вопрос бросил вызов общему пониманию. Какое планирование могло привести к подготовке столь специфического ритуала для новорожденного?

«Минато...» — даже выйдя за пределы своей прежней жизни, Сарутоби сохранил воспоминания и эмоции того тела, которое занимал сейчас. Смесь разочарования и раздражения поднялась в его груди, когда он подумал о том, что Минато может быть причастен к нынешним событиям.

Возможно, подозрения были преувеличены, но столетия, проведенные в качестве оружия в руках людей, научили Сарутоби тому, до какой степени люди могут пойти в достижении своих целей, даже ценой невинных жизней.

«Надеюсь, я ошибаюсь насчет Минато, но...» — слегка покачав головой, Сарутоби отбросил эти мысли, сосредоточившись на настоящем: «Похоже, Минато с самого начала планировал сделать своего сына Джинчурики...»

Кроме того, существовала и другая возможность... Возможно, Минато видел в «запечатывающей колыбели» способ защитить сына и деревню, зная о риске из-за его связи с Кьюби. Как Хокаге, Минато, безусловно, имел наготове различные стратегии на случай разных ситуаций. Сарутоби надеялся, что это и есть истинная мотивация действий Минато...

Подумав об этом, Сарутоби решил, что настало время действовать.

Заметив приближающуюся атаку Кьюби, Сарутоби без раздумий бросился на когти зверя.

Бах!

— Сандаймэ-сама!

— Сандаймэ-сама!

Минато и Кушина, удивленные и обрадованные появлением Сарутоби, повернулись к нему.

— Роааааааар!!! — Кьюби зарычал, его гнев был неописуем. — Третий Хокаге!!!

— Кьюби, твоя ярость на этом заканчивается. Со мной у тебя не будет ни единого шанса. Просто жди, пока тебя снова запечатают! — заявил Сарутоби, его голос излучал властность.

— Мечтай, Третий Хокаге!!! — Кьюби начал извиваться, желая освободиться от оков. Однако, сколько бы Кьюби ни бился, ему едва удалось ослабить оковы.

Вернув посоху прежний размер, он занял оборонительную позицию, приказав:

— Минато, продолжай.

— Да, Сандаймэ-сама! — решительно ответил Минато.

Тем временем Кьюби, охваченный неукротимой яростью, с отметиной на лбу, напоминающей римскую цифру III, скрипел зубами так сильно, что, казалось, от его ярости исходят искры.

Для Кьюби мысль о том, что его заперли внутри новорожденного, была беспрецедентным возмущением, поднявшим его ярость до стратосферы.

— Все, любой ценой защитите Минато, Кушину и ребенка. Мы не можем позволить Кьюби сбежать! — приказал Сарутоби, и в его голосе прозвучала настоящая готовность.

Прибывшие ниндзя быстро откликнулись:

— Да!

Когда Минато возобновил ритуал, Кушина выразила свое отчаяние и материнскую любовь:

— Я не могу позволить нести это бремя нашему сыну! Наруто этого не заслуживает! И почему ты, Минато, должен жертвовать собой?!

Минато, его голос был холоден от решимости, ответил:

— Потому что мы — ниндзя.

Сарутоби, наблюдая за этой сценой, усомнился в решении Минато запечатать Кьюби в своего сына. Этот выбор казался ему глубоко ошибочным, словно он заронил семя разрушения в столь невинное существо, не зная, когда оно может вспыхнуть и уничтожить все вокруг.

Бам!

— Минато, есть и другие способы, — Сарутоби, нанеся удар Кьюби, заговорил, не оборачиваясь:

— Нам не нужно жертвовать твоим сыном. Я могу взять на себя эту ношу; это более благоразумно, чем перегружать новую жизнь.

— Но... — Минато колебался, глядя на Сарутоби, не решаясь.

— Поверь мне. Я готов, — Сарутоби подтвердил, его голос был глубоким и уверенным:

— Защита деревни и ее жителей — моя обязанность. В том числе и вашего сына.

— Сандаймэ-сама... — Кушина, удивленная и благодарная, понимала, судьбу Джинчурики — судьбу, которую она никогда бы не пожелала своему сыну.

Сарутоби улыбнулся Кушине в знак утешения и спокойствия, а затем вновь обратил свой серьезный взгляд на Кьюби.

Внутри себя Сарутоби скрывал свои истинные мысли. Во-первых, он хотел кое-что испытать. Во-вторых, для человека с его тысячелетним опытом владения оружием стать Джинчурики казалось вполне посильной задачей.

Минато, колеблясь, предпочел доверить это бремя своему потомству. Однако перед лицом призывов Кушины и твердости Сарутоби ему оставался только один выбор.

<http://tl.rulate.ru/book/104488/3675495>